

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В СВЕТЕ ИЕРАРХИЧНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

А.С. СКОРОБОГАТОВ,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры институциональной экономики,
Филиал Государственного университета – Высшей школы экономики,
г. Санкт-Петербург*

Понятие постиндустриального общества – это не только футуристическая концепция, но и собирательный образ стран Западного мира, уровень и качество жизни которых являются путеводной звездой для большинства стран, выбирающих для себя пути дальнейшего развития. Вполне естественно, что когда наиболее преуспевающие страны являются постиндустриальными, таковыми же желали бы стать и менее успешные страны, в том числе Россия. В связи с этим представляются уместными следующие вопросы. Что означает для той или иной страны быть постиндустриальным обществом и почему это было бы для нее благом? Насколько достижимым является этот идеал для современных третьих стран и переходных экономик, в частности для России? В основу обсуждения этих вопросов в настоящей статье положены некоторые принципы новой экономической истории и мир-системного подхода. Совместное использование принципов этих двух школ может обеспечить своеобразный инструмент анализа. Экономические успехи или неудачи в данном случае рассматриваются в том числе и как следствие работы институциональной структуры, но последняя оказывается обусловленной местом изучаемого общества в иерархии мировой и национальной экономик.

Постиндустриальное общество и его преимущества

Одним из способов идентификации постиндустриального общества является установление удельного веса сектора услуг в ВВП или в структуре занятости. Доминирование сектора услуг в той или иной стране означает, что она является постиндустриальным обществом, – таково простейшее определение¹. Таким образом, успешное экономическое развитие в наше время как будто предполагает, что, подобно тому как в прошлом страна должна была пройти индустриализацию, чтобы стать индустриальной, теперь требуется «постиндустриализация».

¹ Следует отметить, что доминирование сектора услуг – это важнейший, но недостаточный критерий постиндустриального общества. Его недостаточность связана с тем, что сектор услуг включает в себя слишком большое количество разнообразных видов деятельности, далеко не все из которых создают экономические и политические преимущества, о которых пойдет речь ниже. В частности, в некоторых странах Средиземноморья, таких как Тунис или Египет, доминируют услуги, но за этими услугами скрывается ориентация этих стран на индустрию туризма. Кроме того, ложное впечатление может создавать и статистика, поскольку в понятие услуг могут включаться виды деятельности, по существу, относящиеся к производству. Скажем, в американской статистике строительство относится к сфере услуг. Другой пример – экономика России, в которой согласно официальной статистике доминируют услуги, но это услуги производственного характера, – связанные с обслуживанием топливных и энергетических отраслей, на которые ориентирован современный российский экспорт. Поэтому это определение постиндустриального общества нуждается в оговорке: речь идет о доминировании тех услуг, которые связаны с транзакционным сектором или инновациями, т.е. услуги должны отражать тенденцию к совершенствованию институтов, технологий и производимых продуктов. Я благодарен С.Ю. Барсуковой, В.Д. Матвеевко и А.И. Рею за их замечания, позволившие мне осознать недостаточность принятого мною в статье определения постиндустриального общества, а также то, что корректировка этого определения должна идти путем отсекаемого того, что не указывает на определяемый объект.

Можно задаться вопросом: в чем преимущества экономики, в которой преобладают услуги? Так же как в случае индустриализации в прошлом, здесь, по-видимому, имеют место экономические и политические преимущества. Среди экономических преимуществ можно выделить, по меньшей мере, два преимущества. Во-первых, удельный вес сектора услуг указывает на сравнительную значимость транзакционного сектора [7, с. 254]. Это означает большой объем усилий, затрачиваемых на определение и защиту прав собственности, т.е. на улучшение институциональной структуры, что облегчает работу рынка и прочих организационных механизмов и, соответственно, способствует углублению общественного разделения труда и, через это, – интенсивному экономическому росту [7, с. 251–253; 10]. Во-вторых, сектор услуг – это отрасли, связанные с инновациями. Инновации же – продуктовые и технологические вкуче с организационными – обеспечивают их создателям открытые монополии, т.е. связанные с появлением нового продукта или удешевлением уже известного блага. Открытая монополия является временной – существует до тех пор, пока другие не освоят новый продукт или вновь внедренную технологию. Однако при систематическом характере инноваций агенты, которые их создают и внедряют, получают возможность пользоваться выгодами открытой монополии постоянно, поскольку ко времени освоения их инноваций другими они воплощают в жизнь очередные инновации. Следует отметить, что последнее экономическое преимущество постиндустриализации, по существу, эквивалентно преимуществу, которое в свое время получали страны, раньше других становившиеся индустриальными. Индустриализация позволяла производить неизвестные ранее блага, а также удешевляла производство уже известной продукции.

Основным политическим преимуществом постиндустриализации, опять-таки, как и в случае имевшей место в прошлом индустриализации, является то, что она сегодня является главным фактором, определяющим военный потенциал. Если в прошлом благодаря индустриализации страны обеспечивали себе лучшее вооружение и в большем количестве, то сегодня определяющим для военного потенциала является сектор инноваций, от которого зависит соотношение сил различных стран. В уже индустриализированном мире главная проблема – это не произвести известное оружие, поскольку его произведено достаточно для многократного уничтожения всего человечества, а придумать новое, которым не располагают потенциальные противники. Поэтому естественно, что страны, где доминируют услуги и, соответственно, инновационный сектор, будут располагать гораздо большими возможностями быть всегда впереди потенциальных противников в плане своей военной техники. Косвенным подтверждением этой мысли является тот факт, что именно те страны – страны Западного мира, – которые первыми начали индустриализацию, а ныне стали постиндустриальными, определяли в прошлом и определяют сейчас мировую политику.

Экономические и политические преимущества, имеющиеся у постиндустриальных стран сегодня, позволяют им, если выразиться словами Д. Норты, диктовать свои условия обмена [12, с. 13, 14]. В свое время К. Маркс и его последователи обозначали обмен между индустриальными и аграрными странами как «неэквивалентный». Данное понятие, с точки зрения нынешней экономической теории, лишено смысла². Тем не менее, это понятие может иметь рациональный смысл, если его перетолковать как обмен в условиях неравной переговорной силы, когда вся выгода, или большая часть выгод, от обмена достается одной из сторон. Решающий перевес в переговорной силе, какой в прошлом имел место между индустриальными и неиндустриальными странами, ныне существует между

² Напомним, что марксистская трудовая теория стоимости предполагает, что всякий товар имеет объективную стоимость, заданную текущими условиями его производства, откуда вытекает толкование торговли как обмена стоимостями, которые могут быть либо равны, либо неравны («неэквивалентный обмен»). Едва ли в данном случае можно найти рациональные основания «эквивалентного обмена»: зачем обмениваться равнозначными предметами; в то же время стимулы к «неэквивалентному обмену» легко связать со стремлением одной из сторон получить выигрыш за счет другой стороны, так что торговля оказывается игрой с нулевой суммой. Согласно же неоклассической теории, на цену, помимо условий производства, влияют также и факторы спроса, что приводит к пониманию торговли как обмена не объективными стоимостями, а благами, предельные полезности которых различаются для обменивающихся сторон, так что обмен создает прирост общего благосостояния (излишки потребителя и производителя) – ренты, и речь может идти лишь о распределении этой ренты между сторонами.

постиндустриальными странами и остальным миром. И объясняется этот перевес как экономическими, так и политическими преимуществами, которыми располагают эти страны благодаря постиндустриализации.

Все это позволяет выдвинуть некоторые соображения относительно характера международного разделения труда. Определяющими для него со времен Д. Рикардо считаются сравнительные преимущества стран в производстве тех или иных благ. Поэтому если в прошлом западный мир был индустриальным, а теперь он стал постиндустриальным, тогда как индустриальными становятся некогда аграрные страны Юго-Восточной Азии, то это следует объяснять лишь сравнительными преимуществами этих стран в прошлом в производстве, соответственно, промышленных изделий и сельскохозяйственной продукции, а теперь услуг и промышленных изделий. Объяснение международного разделения труда, основанное на принципе сравнительных преимуществ было бы неуязвимо, если бы все страны располагали полной свободой в определении путей своего экономического и политического развития. Однако указанные выше экономические и, особенно, политические преимущества постиндустриальных стран заставляют усомниться в существовании такой свободы. Едва ли постиндустриальные страны заинтересованы в постиндустриализации остального мира, поскольку это означало бы утрату ими своих преимуществ. Если же они в этом не заинтересованы, то своими преимуществами они будут пользоваться для сохранения статус кво. Таким образом, есть основания предполагать, что на международное разделение труда, помимо сравнительных преимуществ, влияет также навязываемая передовыми странами остальному миру специализация [3, с. 41–44].

Конечно, в теории вполне можно представить себе мир, состоящий из одних лишь горизонтальных связей, в котором отсутствует какая-либо иерархия, – по этому пути и пошел Рикардо и классическая и неоклассическая теории. Можно себе представить мир, где все страны одновременно стали индустриальными, а потом постиндустриальными. Но едва ли такой мир может существовать на практике, поскольку тот, кто идет первым, пожинает плоды своего первенства, т. е. получает выгоду не только от прогресса как такового, но и от превосходства над другими.

Иерархичность экономик, институты и постиндустриальное общество

Итак, имеет смысл исходить из наличия иерархии в мире³. Можно выделить иерархию в рамках как мировой экономики, так и образующих ее национальных экономик. Такому пониманию общества соответствует мир-системный подход Ф. Броделя [3, гл. 1; 2], в котором ключевым инструментом анализа является понятие «мир-экономика». Важнейшим свойством любого мира-экономики является иерархичность образующих его зон. Возглавляет иерархию центр, затем полупериферия и обширная периферия, занимающая большую часть мира-экономики. Особенностью современного хозяйства является объединение некогда автономных миров-экономик в рамках единой мировой экономики, которая также имеет центр и примыкающую к нему (необязательно географически) полупериферию и все более отдаленные от него периферийные зоны⁴, т.е. современный мир отличается единой иерархией в рамках единственного мира-экономики. Снова следует обратить

³ Очень серьезный вопрос – что определяет сохранение и изменение иерархий. Этот вопрос здесь затрагивается лишь в сноске, поскольку его решение прямо не влияет на предмет обсуждения настоящей статьи. Укажем на два взаимодополняющих способа его решения: относительные цены [12, р. 29, 30, 32] и зависимость от пройденного пути [6, гл. 11]. В первом случае место в иерархии увязывается с текущими преимуществами стран и регионов в плане обеспеченности ресурсами и капиталом, наличия удобных торговых путей, выгоды соседних территорий и т. д. Во втором случае иерархия воспроизводится в силу самой своей инерции, когда накопленный капитал и власть, сложившиеся институты и люди как носители этих институтов приводят к закреплению сложившихся иерархических связей, так что последние могут сохраняться уже независимо от относительных цен (сравнительных преимуществ). Здесь имеет место своеобразное проявление эффекта богатства, когда богатые богаты, потому что богаты, а бедные бедны, потому что бедны [3, с. 44].

⁴ Следует обратить особое внимание на иерархическую неоднородность периферии. Речь идет о том, что периферийные страны также располагаются в иерархическом порядке, и между ними, скажем, как это отмечалось А.Ю. Ступиным, между Россией (о ее периферийности речь пойдет ниже) и Афганистаном может иметься даже больший разрыв в развитии, чем между некоторыми из центровых и периферийных стран.

внимание, что разделение труда в пределах мира-экономики – это результат не только отношений равноправных сторон, руководствующихся своими сравнительными преимуществами, но и принуждения со стороны центра, занимающего наиболее выгодное положение в системе и желающего сохранить статус кво, пользуясь своими экономическими и политическими преимуществами. Иерархия жестко определяет место каждой страны и региона в разделении труда. Таким образом, «эффект власти» – своеобразное проявление эффекта богатства – может служить в качестве одного из препятствий для распределения видов деятельности в соответствии с принципом сравнительных преимуществ.

Очевидно, что в центре современной мировой экономики, если ее рассматривать как иерархию национальных экономик, располагаются США. К ней непосредственно примыкает полупериферия стран Западной Европы и Японии. Если эти страны располагаются в центре, то естественным было бы предположить, что именно в этих странах в первую очередь должна происходить постиндустриализация, причем и здесь – в порядке иерархии, т.е. сначала центр, затем полупериферия. Именно это и наблюдается в последние десятилетия. В США опережающими темпами растет сектор услуг, на что косвенно указывает американское лидерство в области шоу бизнеса, программного обеспечения и других отраслей, связанных с инновациями и интеллектуальной продукцией. Страны Западной Европы и Япония постепенно перемещают свою обрабатывающую промышленность в третьи и переходные страны⁵. Обычно это объясняют разницей в оплате труда между западными и третьими/переходными странами. Но в долгосрочной перспективе такое перемещение может быть выгодно западным странам, только если они будут создавать у себя вместо своей обрабатывающей промышленности что-то другое, и этим другим, по-видимому, и должно быть постиндустриальное общество⁶. Следующий концентрический круг – это (прежде всего новые) индустриальные страны, куда центр перемещает свое производство. Поскольку в наше время военный потенциал зависит уже не столько от наличия производства как такового, сколько от инноваций, производство перестало быть ключом к военному превосходству и его можно без того риска, что прежде, перемещать в другие страны. Помимо успешных стран Юго-Восточной Азии к этим странам можно отнести также некоторые страны Восточной Европы и Латинской Америки. Наконец, следующие концентрические круги – это добывающие экономики, в частности, арабские страны, и следующие за ними аграрные экономики, например, африканские страны, не начинавшие индустриализацию.

Отдельного разговора заслуживает взаимосвязь между институтами и местом в иерархии. В современном неинституциональной традиции институты обычно рассматриваются как некий экзогенный фактор [13, р. 21–22], либо же как результат пройденного пути [6, гл. 11]. Все выглядит так, как если бы отдельная страна сугубо самостоятельно выбирала себе институты – постепенно в процессе истории или же «дискретно» в процессе революционных преобразований, – вне зависимости от связей с внешним миром. В то же время отдельные страны обычно рассматриваются как институционально однородные миры.

Понимание мира как иерархии позволяет по-новому взглянуть на институты. Иерархичность мира означает, что институты определяются местом той или иной страны или того или иного региона в иерархии зон, образующих мировую или национальную экономику. Изучая

⁵ Перемещая свою обрабатывающую промышленность, центр при этом удерживает у себя основные рычаги управления и контроль над инновационными процессами в перемещаемых производствах. На это мне указал А.Б. Рунов в ходе обсуждения моего доклада, положенного в основу настоящей статьи.

⁶ Г.Г. Попов в своем докладе отмечал, что западные страны, перемещая промышленность в третий мир, сталкиваются с угрозой безработицы. Едва ли, однако, это должно вызывать какие-либо пессимистические ожидания относительно дальнейших судеб Запада. Ведь такая безработица, даже если она и возникает, имеет структурный характер – менее востребованными становятся одни профессии, зато более востребованными становятся другие. Должно пройти время, прежде чем трудоспособное население приспособится к этим изменениям в структуре спроса на труд. В долгосрочной же перспективе направление этих структурных изменений на рынке труда западных стран, явно, благоприятно для них: оно предполагает увеличение удельного веса рабочих мест, связанных с управлением и инновациями, что, должно способствовать еще большей востребованности человеческого капитала и, соответственно, повышению доходов населения и приобретению его трудом, по меньшей мере, менее рутинного характера [8, с. 425–428].

мировую историю Нового времени, Бродель предложил подразделять различные экономические пространства в зависимости от того, характеризуются ли они господством капитализма, рыночной экономики или же «материальной жизни», т. е. хозяйства, остающегося практически незатронутым историческим прогрессом [2]. Эту триаду можно рассматривать как один из способов классификации институтов, определяемых местом в иерархии экономических систем. Капитализм – это общественный строй центра, рынок – полупериферии, тогда как обширная периферия живет материальной жизнью [3, с. 28–31; 2, с. 95–98]. Капитализм, рынок и материальная жизнь – это некие типы институциональных структур, причем глубоко отличные от традиционных полярных случаев демократии и авторитаризма, также как и от марксистских формаций.

На рис. 1 представлен скелет институциональной структуры, где институты классифицируются по горизонтали и по вертикали⁷. В первом случае речь идет о разделении институтов по принципу выявления – на известные всем формальные и неформальные институты, разница между которыми определяется тем, обеспечивается ли их действительность принуждением со стороны государства. Разграничение институтов в порядке иерархии предполагает, что институты верхнего уровня определяют содержание институтов нижнего уровня. Удобство этой схемы заключается в том, что она сводит воедино различные институты, традиционно рассматриваемые в институциональной литературе, – ментальность и идеологию, государство и права собственности, организационные возможности, как например рынок и фирма, – взаимосвязь между которыми обычно не оговаривается. Кроме того, данная схема может быть полезна для сравнения институтов различных стран и регионов, поскольку в ней выделены и увязаны друг с другом основные типы институтов и указаны приблизительные критерии их оценки, с точки зрения эффективности. Эти критерии указаны напротив каждой разновидности институтов по иерархии (выделены жирным).

Возвращаясь в иерархичности национальных и региональных экономик, снова подчеркнем, что собственную институциональную структуру, каркас которой представлен на рис. 1, можно обнаружить на уровне не только стран, но и отдельных регионов. Не существует единой институциональной структуры для всей страны, как ее нет и для всего мира⁸. Например, в России каждый уровень институтов – культура, политическая жизнь, права собственности и организационные возможности – в Москве будут совсем иными, нежели в российской глубинке. Возможно, институциональная структура Москвы окажется ближе к институтам какого-либо западноевропейского города, чем многих регионов России. Именно поэтому имеет смысл выделять институты не только тех или иных стран, но и отдельных регионов. При этом осознание иерархичности любой экономической системы позволяет обнаружить определенный порядок в этих институциональных различиях между странами и регионами. Качество институтов, с точки зрения указанных выше критериев, будет убывать по мере того, как мы будем спускаться вниз по иерархии стран или регионов. Так, в Москве следует ожидать наилучших институтов из тех, что существуют в России. Далее, в регионах, образующих полупериферию, т. е. находящихся на следующих после столицы уровнях иерархии российского хозяйства, – Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Новосибирске и т.д. – институты будут уже несколько хуже и т.д. вплоть до самых периферийных зон с господством «материальной жизни» в самом буквальном смысле. В такой крайней периферии естественно было бы наблюдать полнейший правовой нигилизм, совершенное отсутствие реального выполнения государством своих функций, крайнюю незащищенность человеческих прав и свобод и господство самых архаичных способов хозяйствования в плане организации, например, значительное развитие натурального хозяйства.

⁷ Данный скелет институциональной структуры более подробно излагается в статье: Скоробогатов [10]. Идея иерархии институтов по-разному выражается в работах Норта [6, с. 68–69] и Уильямсона [14, р. 597].

⁸ И.В. Розмаинский, видимо, соглашаясь с этим тезисом, лишь возражал, что такая характеристика подходит не ко всем странам. Скажем, Финляндия, по его мнению, – институционально однородная страна. Соглашаясь с этим замечанием, я в то же время предпочел бы говорить о различной степени институциональной неоднородности стран, вместо того чтобы противопоставлять институционально однородные страны институционально неоднородным.

Рис. 1. Иерархия экономик и институциональная структура

Если в Москве, в противоположность российской периферии, будет относительно развит сектор услуг, рельефно будут выступать частная собственность и прочие прогрессивные институты, то в еще большей степени это касается центров национальных экономик, располагающихся ближе к центру мировой экономики – услуг и прав будет больше в Париже и еще больше в Нью-Йорке. Для определения места национальных экономик в иерархии сравнивать следует только сопоставимые по иерархии регионы. Нельзя сравнивать Нью-Йорк и даже Петербург, поскольку последний – все же не центр национальной экономики. Точно так же нельзя сравнивать бедные негритянские регионы Америки с Москвой.

Все это позволяет говорить о том, что в рамках каждого подразделения иерархии мира-экономики имеются свои иерархии. США возглавляют мир-экономику, но возглавляют прежде всего в лице Нью-Йорка. Внутри самих США, если их рассматривать как отдельный мир-экономику, также имеется своя иерархия. Вокруг (не географически) Нью-Йорка располагаются другие города, прилегающие к центру в плане их места и роли в системе, Лос-Анжелос, Чикаго и т.д. Здесь есть свои и обрабатывающие и добывающие и аграрные регионы. С точки зрения социальной, институциональной, наконец, культурной, свободы и права человека – это характеристика, относящаяся скорее к центру, чем к периферии Америки с характерным для нее разгулом хулиганства и прочих видов преступности.

Следует еще раз подчеркнуть, что иерархичность как национальных, так и региональных экономик предполагает возможность, что в странах, располагающихся ниже по иерархии в мировой экономике, регионы, находящиеся на вершине иерархии национальной экономики, будут иметь лучшие институты и более успешные экономики, чем периферийные регионы в странах, занимающих более высокое положение в мировой иерархии. Скажем, Москва – это регион, вероятно, имеющий более совершенные институты и экономику, чем периферийные регионы США, несмотря на то, что Россия как национальная экономика, безусловно, занимает несравненно более низкое положение в мировой экономической иерархии, чем США.

Данная мысль проиллюстрирована на рис. 2, на котором можно увидеть, что страны высокого ранга в мировой иерархии имеют свои периферийные зоны, которые могут быть ниже центральных зон в странах более низкого ранга.

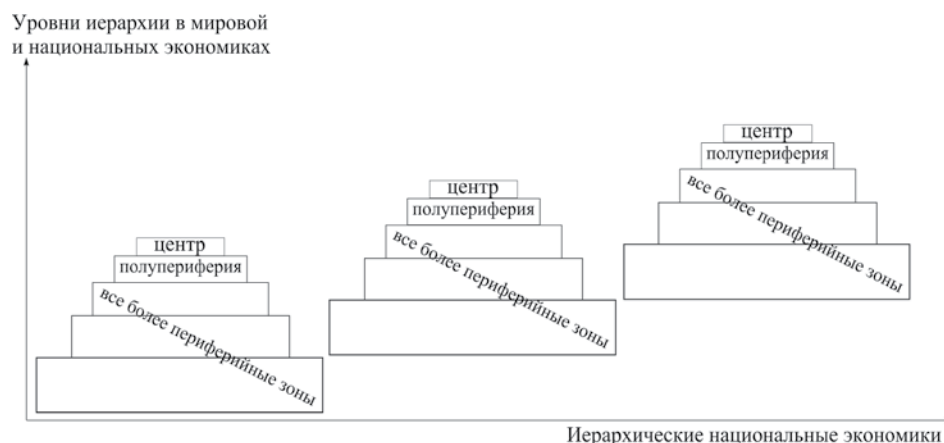

Рис. 2. Иерархии мировой и национальных экономик

Отличие современного мира от прошлого – существование мировой экономики. Раньше национальные и региональные экономики могли функционировать, не соприкасаясь друг с другом и, соответственно, не образуя никакой иерархической суперструктуры. Мир представлял собой совокупность изолированных друг от друга материков и островов экономической жизни, где материки – это иерархические совокупности местных экономик, а острова – отдельные местные экономики. В наше же время все сколько-нибудь значительные экономики вписаны в суперструктуру, что, впрочем, не мешает оставаться в стороне многочисленным архаичным экономикам. Качественная разница между прошлым и нынешним хозяйствами, наверное, в том, что сегодня нельзя быть развитой – индустриальной или, тем более, постиндустриальной – экономикой и не занимать места в суперструктуре.

Место России в мировой иерархии

Вряд ли кто-то станет оспаривать тот факт, что Россия отнюдь не возглавляет иерархию современной мировой экономики. По мнению Броделя, до реформ Петра I Россия была самостоятельным миром-экономикой [3, с. 453, 476]. Однако когда Россия отказалась от положения отдельного мира-экономики и решила включиться в европейский мир-экономику, войти в этот мир она смогла только на правах периферии. В 1990-е гг. история повторилась: Россия и прочие республики бывшего СССР вышли из своей изоляции в рамках социалистического мира-экономики и пожелали включиться в мировую экономику, каковой стал европейский мир-экономика, но вошли в нее снова только на правах периферии.

Можно задаться вопросом: в чем проявляется периферийное положение России в мировой экономике? Одним из признаков является то, что в Россию, как и в остальные переходные экономики и третьи страны, Западный мир постепенно перемещает свои отрасли обрабатывающей промышленности. Сама эта тенденция, несмотря на ее несомненно положительное значение для современной российской экономики, определенно не указывает на ее постиндустриализацию. Она означает, что Россия оказывается в числе стран, привлекающих промышленность Западного мира, который избавляется от нее в процессе создания у себя постиндустриального общества. В Россию, как и в другие периферийные страны, Запад перемещает то, что ему самому становится ненужным (на собственной территории) по мере его постиндустриализации.

Другой очевидный признак периферийности России – это доминирующее и все возрастающее значение добывающих и энергетических отраслей в структуре российской экономики [1, с. 139; 11, с. 47–49]. О влиянии – и не только отрицательном – сырьевых и энергетических отраслей на экономическое развитие говорилось много. Здесь же имеет

смысл выделить те аспекты данной проблемы, которые проливают свет на место России в мировой иерархии и перспективы ее постиндустриализации.

Ясно, что политических преимуществ добывающие отрасли не создают, поскольку прямо не связаны с изобретением нового оружия. Что касается экономических преимуществ, то и здесь добывающие страны, видимо, уступают «инновационным» экономикам, поскольку являются, скорее ведомыми, чем ведущими в плане инноваций. Наиболее значительные инновации делаются в сфере производства готовой продукции и, еще больше, в области услуг, т.е. науки и управления. Эти инновации определяют потребность в тех или иных ресурсах. Таким образом, благосостояние добывающих стран находится в некоторой экономической зависимости от «инновационных» стран. Преимущество деятельности, связанной с инновациями, состоит в том, что она, как уже отмечалось, позволяет регулярно получать выигрывать от открытой монополии. Продуктовые инновации приводят к выпуску новых товаров, на продаже которых можно получить сверхприбыли, пока их не научились производить другие, а технологические инновации позволяют получить сверхприбыли за счет продажи известных товаров по более низким ценам. Правда, монополия (не открытая, а естественная) может иметься и у добывающей страны, но выгоды от естественной монополии, видимо, контролировать гораздо труднее, чем выгоды от открытой монополии. В первом случае все зависит от мировых цен, определяемых отнюдь не странами-продавцами сырья. В последнем же случае инновационный процесс может быть систематической деятельностью, приносящей постоянные сверхприбыли от открытых монополий. Таким образом, добывающие страны не обеспечивают себе никаких политических преимуществ, а их экономические преимущества выражены слабее экономических преимуществ инновационных стран, так что доминирование добывающих отраслей – это свойство скорее периферии, чем центра.

Что касается перспектив формирования постиндустриального общества, то доминирование добывающих и энергетических отраслей также говорит не в их пользу. Дело в том, что добывающие отрасли не предъявляют больших требований к физическому и, что еще важнее, человеческому капиталу, так что продажа сырья не позволяет вполне реализовать человеческий потенциал. Поскольку именно человеческий капитал играет ключевую роль в постиндустриальном обществе, увеличение удельного веса добывающих отраслей в национальном продукте – это тенденция, явно, не в сторону постиндустриального общества⁹.

⁹ Выдвигаются и иные объяснения «проклятия ресурсов», например, что, продавая сырье, страна лишает себя возможности заработать на добавленной стоимости, создаваемой в обрабатывающей отрасли. Имеется в виду, что продажа сырья – это продажа добавленной стоимости, созданной в результате добычи и транспортировки сырья, а продажа готовой продукции – это продажа добавленной стоимости сырья плюс добавленная стоимость в процессе переработки. Это объяснение не вполне убедительно. Представим себе страну с фиксированным количеством рабочей силы, которая может быть занята только в добывающей промышленности, или же наряду с последней – также и в обрабатывающей промышленности. Но это имеет смысл делать, только если отдача от трудовых единиц в обрабатывающей промышленности превышает отдачу этих же единиц в добывающей промышленности. Но что если добыча сырья – дело настолько выгодное, что только им и будет иметь смысл заниматься. Ведь чтобы создать в обрабатывающей промышленности добавленную стоимость, нужно отвлечь часть ресурсов из добывающей промышленности. Но делать это следует, только если добавленная стоимость в последней будет меньше для перераспределенных единиц ресурсов, чем в обрабатывающей промышленности, а это-то совсем необязательно. Аргумент потерянной возможности заработать на добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности можно было бы распространить на любые экспортные товары – зачем их покупать, когда можно самим произвести и заработать на самостоятельно созданной добавленной стоимости? Далее, возьмем арабские страны в последние десятилетия. Они богаты, хотя заняты почти исключительно сырьем. Значит, добыча сырья может быть делом выгодным – более выгодным, чем его обработка, и в этой ситуации страны с доминированием добывающих отраслей не проигрывают, хоть и не сами обрабатывают сырье.

Иногда указывают на истощаемость ресурсов: они когда-то кончатся и стране будет не на что жить. Это объяснение может иметь какой-то смысл, только если имеются достоверные оценки запасов ресурсов, из которых вытекает, что их осталось мало. Однако сами эти оценки с течением времени меняются в сторону повышения [8, с. 404–405]. Кроме того, внедрение ресурсосберегающих технологий приводит к уменьшению потребления ресурсов на единицу производимой продукции. Таким образом, расширение знаний об имеющихся ресурсах и совершенствование технологий добычи и использования ресурсов отодвигают проблему их истощения на неопределенный срок. Вторых, истощаемость ресурсов – это проблема не только стран с добывающими отраслями, но и стран, производящих конечную продукцию, предполагающую потребление соответствующих ресурсов. В случае их полного истощения этим странам тоже придется многое менять, от чего-то отказываться и т.д.

Итак, Россия как национальная экономика является крайней периферией, на что указывает ее главная специализация – продажа ресурсов. Впереди нее в мировой иерархии не только американский центр и западноевропейская полупериферия, но также более или менее успешные экономики Восточной Европы, новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и некоторые экономики Латинской Америки. Последние три указанных региона – это уже в полной мере экономическая периферия, но и среди них Россия пока не находит своего места в мировой иерархии. Ее место – среди экономик, где доминирует добывающая промышленность, – например, среди арабских стран. Таким образом, ниже России в мировой экономической иерархии, по-видимому, располагаются только те аграрные страны, которых еще не затрагивали процессы индустриализации.

Такому низкому рангу России в мировой иерархии далеко не соответствует ее политическое влияние, определяемое статусом бывшей сверхдержавы и ее военным потенциалом. Этот политический фактор и ослабляет впечатление о России как о находящейся в хвосте мировой цивилизации. В силу геоэкономических и геополитических факторов, действовавших в течение большей части истории России, ей приходилось быть «военным гигантом с хронически слабым экономическим сердцем». Такой Россия была и в московский, и в имперский, и в советский периоды, – отчасти так ее можно определить и сегодня. Этому, по-видимому, соответствуют исторические наблюдения Броделя о том, что границы империй и миров-экономик с образующими и те, и другие иерархиями могут не совпадать. Мощный политический центр не обязательно должен возглавлять иерархию мира-экономики¹⁰.

При объяснении «проклятия ресурсов» можно сослаться на исторические примеры эксплуатации колоний как источников сырья и рынков сбыта. Развивая обрабатывающую промышленность на основе сырья из колоний, метрополии богатели, а колонии оставались нищими. Это важный прецедент, но здесь, возможно, все дело не в экономике, а в разности военно-политического потенциала. Дело не в том, кто чем торгует, а в том, как распределяется рента, создаваемая в результате торговли. Она может попасть целиком в карман продавца готовой продукции, но ничто не исключает и обратного сценария. Скорее всего, в колониальную эпоху колониям силой навязывались невыгодные условия обмена, при которых рента в основном доставалась метрополиям. Но это результат не столько экономической, сколько политической зависимости колоний. Можно задать вопрос: почему метрополии предпочли развивать обрабатывающую промышленность на основе колониального сырья, а не самим стать источником сырья для колониальной обрабатывающей промышленности? Ответом на этот вопрос может служить тезис, уже выдвигавшийся в начале настоящей статьи, а именно что разные виды деятельности неравноценны в плане их влияния на военный потенциал стран. С древности жители городов – торговцы и ремесленники – имели возможность эксплуатации земледельцев, поскольку характер их деятельности, предполагающий скопление народа, облегчает их организованные действия, в том числе и военные; это очень заметно при их сравнении с рассеянными по земле земледельцами. Кроме того, торговля и ремесло обеспечивает более легкий доступ к оружию (произвести или купить). В результате с древности и до нашего времени город эксплуатировал деревню, пользуясь своим силовым потенциалом. Если мы возьмем эпоху после промышленного переворота, то здесь обрабатывающая промышленность имеет то преимущество, что именно она в наше время обеспечивает оружием. Силовое превосходство в наше время обеспечивается наличием оружия, которого нет у потенциального противника. По той же причине для политической независимости сегодня важны достижения НТР. Таким образом, если страна, продающая сырье, политически зависима, ей могут быть силой навязаны невыгодные для нее условия обмена, но при наличии у нее политической независимости, условия обмена могут быть вполне благоприятными, так что никакой эксплуатации уже не будет. Этим соображениям, видимо, вполне соответствует то, что происходило и происходит в арабских странах. Некогда все они без исключения были очень бедны, что, видимо, объясняется их колониальным положением. Но после распада колониальной системы некоторые из них стали очень даже богаты (Кувейт). Чем это объяснить? В эпоху холодной войны невыгодные условия обмена им нельзя было навязать силой, поскольку они имели прикрытие в виде соцлагеря. При этом весьма заметен нездоровый интерес к этим странам со стороны Запада и ответная ненависть со стороны арабов. Объясняется это, видимо, постоянным желанием Запада навязать арабам невыгодные условия обмена, когда те уже не могут опереться на соцлагерь.

¹⁰ В прошлом центры европейского мира-экономики – Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам – отнюдь не занимали ключевого положения в мировой политике, в отличие от экономически периферийных, но политически могущественных Испании, Португалии или Франции [3, с. 48–51, гл. 2; 2, гл. 3]. Можно задать вопрос: как соотносится политическое могущество периферийных стран с отсутствием у них политических преимуществ, имеющихся у стран, располагающихся в центре? Отметим, что отсутствие политических преимуществ центрального положения может компенсироваться существованием авторитарного режима, который может обеспечивать стране военный потенциал не за счет эффективной экономики, а за счет идеологии и насилия. По-видимому, так и было с Россией, о чем пойдет речь ниже.

Перспективы постиндустриального общества в России

Итак, постиндустриальное общество – общество с доминированием сектора услуг – является уделом стран, возглавляющих иерархию мировой экономики. Воспроизводству этой иерархии способствует экономическая и политическая власть ведущих стран, использующих ее для сохранения статус кво. Успехи новых индустриальных стран Западу не угрожают, поскольку цивилизационно – как индустриальные страны – они располагаются ступенькой ниже постиндустриального Запада. С еще большим основанием это может быть сказано о России, которая не только постиндустриальным, но и успешным индустриальным обществом не является.

Это значит, что превращение России в постиндустриальное общество потребовало бы коренных изменений в мировой иерархии – перемещения страны, находящейся в хвосте, в авангард цивилизации. Однако такие изменения в иерархии, по-видимому, не происходят без обуславливающих их глубоких преобразований или великих потрясений в мире или в отдельных странах. Например, в рамках европейского мира-экономики во второй половине XVIII в. лидерство окончательно перешло к Англии при наличии такого великого сопутствующего фактора как промышленная революция. Во второй половине XIX в. также наблюдалось повышение ранга некоторых стран в мировой иерархии – индустриализация в России, вторая промышленная революция (на основе электрификации и двигателей внутреннего сгорания) в Германии и США, промышленная революция в Японии. Но в каждом из этих случаев указанным изменениям предшествовали серьезные сдвиги или потрясения в этих странах – отмена крепостного права в России и Германии, а в последней также преодоление политической раздробленности и франко-прусская война, Гражданская война и отмена рабства в США, революция Мейдзи в Японии. В XX в. Россия стала индустриальной, но не иначе как только за счет сильнейших потрясений в виде коллективизации и советской индустриализации, а также Второй мировой войны.

В 1990-е гг. в России снова имели место революционные изменения в виде рыночных реформ, положивших конец плановой системе. Однако ход экономической истории России как в 1990-е, так и в 2000-е гг. указывает скорее на понижение, чем на повышение ранга российской национальной экономики в мировой иерархии. За это время в отраслевой структуре страны возрос удельный вес сырьевых и энергетических отраслей, тогда как доля обрабатывающей промышленности и, что еще важнее, наукоемких отраслей, сократилась. Таким образом, коренные преобразования недавнего прошлого, если и создают тенденцию к изменению места России в мировой иерархии, то определенно не в сторону повышения и, поэтому, на сегодняшний день едва ли у России имеются какие-либо перспективы перейти в разряд постиндустриальных обществ¹¹.

Отсутствие осязаемых тенденций к превращению России в постиндустриальное общество не исключает, однако, существования в ней неких постиндустриальных «анк-

¹¹ В ходе обсуждения моего выступления А.В. Алексеев отметил, что «мир никогда не развивается в соответствии с текущей тенденцией», приводя в качестве иллюстрации пример Китая, который, по его мнению, за последнюю четверть века значительно повысил свой ранг в мировой иерархии, опередив Россию, хотя в недавнем прошлом уступал ей. Все-таки, было бы слишком смелым утверждать, что существующие тенденции никогда не получают адекватного воплощения в будущем. Согласно одному из тезисов настоящей статьи, нарушение тенденций, в частности, перемещение в иерархии, происходит в результате возникновения выдающихся сравнительных преимуществ или революционных изменений в политической сфере. Новейшая история Китая, как и история СССР, содержит иллюстрацию того, как работает последний из указанных факторов, вызывающий нарушение тенденций. Перемещение Китая в иерархии произошло в результате драматических перемен в политической жизни как самого Китая [4, с. 130–134], так и остального мира. При этом повышение ранга Китая в иерархии – это не перемещение из периферии в центр, как это требуется для становления постиндустриального общества в «до-постиндустриальной» стране. Китай по-прежнему находится на периферии, и если он как-то и повысил свой ранг, то только среди периферийных стран, наиболее успешные из которых, как было сказано, привлекают промышленность центра. Таким образом, наблюдаемые тенденции сбиваются, если их действию не мешают вновь возникающие мощные экономические или политические факторы. И даже когда такие факторы возникают, как в случае современного Китая, они далеко не всегда приводят к драматическим изменениям в иерархии – изменениям, которым соответствовало бы превращение России в постиндустриальное общество.

лавов». К таким анклавам в первую очередь следовало бы отнести Москву как центр российской национальной экономики, а также те регионы, которые образуют ее полупериферию. Здесь, действительно, можно наблюдать какие-то сдвиги в сторону постиндустриального общества. Это проявляется в востребованности профессий, связанных с управлением и организацией, правом, инновациями, производством различной «интеллектуальной продукции» и т.д. Именно в таких «центровых» зонах на долю сектора услуг приходится значительная и возрастающая часть экономической деятельности. Те задачи, которые являются главными для постиндустриального общества, – эффективные институты и инновации, – если где-то в России и решаются, то только в центре и полупериферии.

Рис. 2 содержит иллюстрацию такой возможности: страна низшего ранга в мировой иерархии, тем не менее, имеет центр, который располагается выше периферийных регионов стран с более высоким положением в иерархии. При этом, разумеется, при сравнении центров, как и прочих сопоставимых уровней иерархии национальных экономик, преимущество будет у страны с более высоким рангом – Москва, возможно, ближе к постиндустриальному обществу, чем периферийные районы США, но, несомненно, дальше от этого идеала, чем Нью-Йорк.

Таким образом, если у России как национальной экономики и отсутствуют какие-либо перспективы превращения в постиндустриальное общество, то у зон, образующих центр и полупериферию, такие перспективы определенно существуют. Постиндустриальное общество, по мировым меркам, не самой высокой пробы может сложиться в Москве, Петербурге и еще нескольких регионах, но эти анклавы будут оставаться «лучами света в темном царстве».

Заключение

Итак, обобщим вышеизложенное. Особенности и преимущества постиндустриальных обществ определяются их местом в общественном разделении труда, идет ли речь о мировой или национальной экономике. Основная специализация постиндустриальных обществ, связанная с оказанием услуг, предполагает, что именно эти общества уделяют наибольшее внимание совершенствованию институтов и инновациям. Когда мы задаемся вопросом о факторах, определяющих разделение труда, т.е. почему одни страны являются постиндустриальными, а в других, скажем, только еще начинается индустриализация, в первую очередь мы вспоминаем принцип сравнительных преимуществ – главное рациональное соображение, которым должно было бы объясняться место тех или иных стран и регионов в разделении труда. Согласно теореме Коуза, которую можно рассматривать в качестве обобщения принципа сравнительных преимуществ, распределение прав собственности – или, что по существу, то же самое, – распределение видов деятельности между обществами или индивидами должно соответствовать правилам эффективности. Однако этот принцип соблюдается не всегда, и препятствует этому, помимо всего прочего, эффект богатства, т.е. возникновение особых преимуществ у тех, кто уже занимает видное место в распределении прав собственности и, соответственно, разделении труда, – преимуществ, которые могут перекрыть разницу в эффективности [9, с. 83–84]. Иными словами, богатый может быть богат, потому что он уже богат, и заниматься какой-либо деятельностью, поскольку и раньше ей занимался, – и это может оставаться в силе независимо от того, обладает ли он соответствующим сравнительным преимуществом.

Различные виды деятельности неравноценны по создаваемой ими экономической и политической власти, и это существенно ограничивает применимость принципа сравнительных преимуществ к объяснению разделения труда и, соответственно, удельного веса сферы услуг в экономике разных стран и регионов. Эта неравноценность приводит к неравенству между странами и регионами по уровню и качеству жизни и политическому влиянию, а само это неравенство имеет упорядоченный ха-

рактер, т.е. выступает в виде их иерархии. Эффект богатства, нарушающий действие принципа эффективности, будет проявляться в том, что страны и регионы, занимающие выгодное место в разделении труда, будут пользоваться своей экономической и политической властью для фиксации сложившегося разделения труда. Таким образом, неравенство, вызванное сложившимся разделением труда, содержит в себе условия своего воспроизводства. Эффект богатства в данном случае оказывается частным случаем зависимости от пройденного пути.

Все это означает, что создание нового постиндустриального общества требует от кандидата не только выдающихся сравнительных преимуществ – таких, которые могли бы быть рациональным основанием для уже постиндустриальных обществ потесниться, чтобы впустить в свои ряды еще одного члена, – но и соответствующих перемещений в иерархии. Иными словами, превращение какой-либо страны в постиндустриальное общество требует действия такой исторической силы, которая бы перевесила экономические и политические преимущества существующих постиндустриальных обществ. В прошлом такие перемещения в иерархии как раз и происходили в результате революционных по своей значимости экономических или политических изменений: вторая промышленная революция как фактор огромного роста производительности в Германии и США; советская власть и Отечественная война как политические факторы индустриализации в России.

Революционные экономические и политические изменения в недавней российской истории скорее понизили ранг российской экономики в мировом хозяйстве. При этом обратных тенденций не заметно: в России, по-видимому, отсутствуют сколько-нибудь значительные сравнительные преимущества в области инноваций или институтов, а авторитарный режим, который мог бы компенсировать отсутствие заметных экономических преимуществ, ушел в прошлое с падением советской власти.

Если и можно говорить о перспективах постиндустриального общества в России, то только в отношении регионов, возглавляющих иерархию российской национальной экономики, т.е. столицы и крупнейших городов. Именно здесь, видимо, будут складываться – пусть по мировым меркам и не самые значительные – очаги постиндустриального общества. В этих регионах, по-видимому, будет сохраняться совершенно особый мир западных институтов, постиндустриальной отраслевой структуры и высокого уровня жизни – мир, глубоко отличный от того мира, каковым является остальная Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березинская О., Миронов В. Отечественный нефтегазовый комплекс: динамика конкурентоспособности и перспективы финансирования // Вопросы экономики. 2006. № 8.
2. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.
4. Гельбрас В. Цена экономических успехов Китая // Вопросы экономики. 2007. № 4.
5. Гэтрелл П. «Бедная» Россия: роль природного окружения и деятельности правительства в долговременной перспективе в экономической истории России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М.: РОССПЭН. 2001.
6. Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: НАЧАЛА, 1997.
7. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Институционализм в новой экономической истории // Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2005.
8. Пильцер П. Безграничное богатство. Теория и практика «экономической алхимии» // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.
9. Скоробогатов А.С. Институциональная экономика. Курс лекций. СПб.: СПб филиал ГУ – ВШЭ, 2006 (<http://ie.boom.ru/skorobogatov/skorobogatov.htm>).

10. *Скоробогатов А.С.* История как предметный мир экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2007. Т. 5, № 3.
11. *Скоробогатов А.С.* Российская стабильность последних лет: предпосылка экономического развития или институциональный склероз? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 1.
12. *North D.C.* Structure and change in economic history. New York: W.W. Norton & Company, Inc., 1981.
13. *Olson M.* Big bills left on the sidewalk: Why some nations are rich, and others are poor // Journal of Economic Perspectives. 1996. V. 10. № 2.
14. *Williamson O.E.* The new institutional economics: taking stock, looking ahead // Journal of Economic Literature. 2000. V. 38. № 3.